Научно-исследовательский центр «Иннова»

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Сборник научных трудов по материалам
XXIII Международной научно-практической конференции,
22 октября 2026 года, г.-к. Анапа

Анапа
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5
Н34

Научный редактор:
Скорикова Екатерина Николаевна

Редакционная коллегия:

Бондаренко С. В., к.э.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Дегтярев Г. В.,** д.т.н., профессор (Россия, г. Краснодар), **Хилько Н. А.**, д.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Ожерельева Н. Р.**, к.э.н., доцент (Россия, г. Анапа), **Жиянова Н. Э.**, к.э.н., профессор (Узбекистан, г. Ташкент), **Климов С. В.** к.п.н., доцент (Россия, г. Пермь), **Михайлов В. И.** к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва).

Н34 Научные исследования: проблемы и перспективы в условиях формирования многополярного мира. Сборник научных трудов по материалам XXIII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 22 октября 2026 г.). – Анапа: НИЦ ЭСП в ЮФО, 2026. – 46 с.

В настоящем издании представлены материалы XXIII Международной научно-практической конференции «Научные исследования: проблемы и перспективы в условиях формирования многополярного мира», состоявшейся 22 октября 2026 года в г.-к. Анапа. Материалы конференции посвящены актуальным проблемам науки, общества и образования. Рассматриваются теоретические и методологические вопросы в социальных, гуманитарных и естественных науках.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, всех, кто интересуется достижениями современной науки.

За содержание и достоверность статей, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Информация об опубликованных статьях размещена на платформе научной электронной библиотеки (eLIBRARY.ru). **Договор № 2341-12/2017К от 27.12.2017 г.**

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.innova-science.ru.

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

© Коллектив авторов, 2026.
© ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО (подразделение НИЦ «Иннова»), 2026.

ISBN 978-5-97873-135-4

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Портнова Екатерина Владимировна 4

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБОГАЩЕНИЯ СЕНСОРНОГО ОПЫТА ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 3-4 ЛЕТ

Сосина Ирина Викторовна 11

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗОН МИНЕРАЛЬНОЙ ПОДКОРМКИ ОХОТНИЧЬИХ ЖИВОТНЫХ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОСВОЕННОСТИ ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ

Сукиасян Роза Бениковна

Неупокоева Анастасия Алексеевна 16

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК МАТЕРЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Усынина Татьяна Петровна 21

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРНЫЙ И СТРУКТУРНО-РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ

Шишова Антонина Сергеевна 32

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 373.2

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ В СТАРШЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Портнова Екатерина Владимировна

студент

Научный руководитель: Осмачкина Валентина Александровна,

к.п.н., доцент кафедры теорий и технологий дошкольного и начального образования

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»,

г. Орел, Россия

Аннотация. *В статье описаны результаты эмпирического изучения, направленного на выявление особенностей детско-родительских отношений в семьях с детьми старшего дошкольного возраста и уровня креативности старших дошкольников. На основе сопоставления полученных данных сделаны выводы относительно влияния семейных взаимоотношений на развитие креативности детей старшего дошкольного возраста.*

Ключевые слова: *детско-родительские отношения, креативность, старший дошкольный возраст*

В связи с гуманизацией дошкольного образования все более актуальной в последние годы становится проблема раннего раскрытия творческого потенциала личности. В современной дошкольной педагогике приоритетной признается направленность на развитие креативности и творческих способностей дошкольников. Так, федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования в качестве приоритетных задач определяет создание

благоприятных условий для развития детей в соответствии с их возрастными и индивидуальными особенностями, склонностями и творческим потенциалом каждого ребенка как субъекта отношений с самим собой, другими детьми, взрослыми и миром [7].

Значительный вклад в изучение феномена креативности в период дошкольного детства внесли Дж. Гилфорд, О. М. Дьяченко, А. М. Матюшкин, Л. В. Пасечник, Н. Н. Поддъяков. В работах исследователей креативность рассматривается как специфическая черта мышления, связанная с воображением и личностными особенностями ребенка [2,6].

Особая роль в решении задачи по разитию креативности в дошкольном возрасте принадлежит родителям. На сегодняшний день в психологии имеется множество исследований, посвященных проблеме влияния родительского отношения на развитие личности ребенка. Примерами могут служить публикации Д. Б. Богоявленской, М. В. Глебовой, Е. Ф. Нестер, Т.Н. Шевко [1,3,5]. Однако в подавляющем случае в них раскрывается влияние детского-родительских отношений на характер самооценки, эмоциональное состояние, психологическое здоровье, ценностно-потребностную сферу ребенка. В тоже время вопрос влияния детско-родительских отношений на креативность старших дошкольников остается малоизученным.

С учетом вышеизложенного на базе МБДОУ «Центр развития ребенка – детскй сад №50» г. Орла было проведено эмпирическое исследование, цель которого заключалась в выявлении влияния характера детско-родительского отношений на проявление креативности старших дошкольников. Для достижения поставленной цели были отобраны и проведены две группы диагностических методик.

Первая группа диагностических методик направлена на изучение особенностей детско-родительских отношений. К этой группе были отнесены «Опросник родительского отношения» А. Я. Варга, В. В. Столина, детский тест «Эмоциональные отношения в семье» Е. Бене - Е. Антони, проективная методика «Кинестетический рисунок семьи» Р. Бернса, С. Кауфмана.

Вторая группа диагностических методик позволила выявить уровень развития креативности детей старшего дошкольного возраста. Здесь были использованы следующие методики: «Беседа о творчестве» А. Н. Бельковой, «Дорисовывание фигур» О. М. Дьяченко, «Закончи рисунок» Э. П. Торренса.

Тестирование родителей по «Опроснику родительского отношения» В. Столина, В. Варга позволило определить типичные черты родительского отношения к детям, свойственные тому или иному стилю семейного воспитания. В частности, было выявлено, что 89% родители принимают детей старшего дошкольного возраста такими, как они есть, 78% демонстрируют стремление к кооперации с ними. При этом повышенный контроль за поведением и поступками детей демонстрируют 60% опрошенных. В 31% семей зафиксированы симбиотические связи родителей с детьми, 27% родителей не верят в самостоятельность дошкольников, стремятся к обереганию их от трудностей, 11% опрошенных эмоционально отвергают ребенка, либо между взрослыми и ребенком наблюдается значительная межличностная дистанция между ними. Данные факты обуславливают в некоторых семьях негативное влияние типичного поведения взрослых на формирование личности дошкольников в целом, и развитие креативности в частности.

Методика Е. Бене – Е. Антони «Эмоциональные отношения в семье» позволила дополнить сведения, полученные в ходе проективной методики «Кинестетический рисунок семьи». Результаты суммирования положительных и отрицательных чувств показали, сколько «каждого вида чувств» ребёнок отдаёт и получает от членов своей семьи. В частности, только у 45% детей количество, полученных от членов семьи положительных чувств одинаково или больше количества отданных им положительных чувств. Это свидетельствует о том, что дети чувствует любовь своих родителей, которые не только хорошо к ним относятся, но и принимают активное участие в их жизни. Между родителями и детьми есть взаимопонимание, уважение друг к другу. Большое количество «отрицательного вида чувств» дети данной группы отдали господину Никто. У 55% воспитанников количество отданных ими положительных видов чувств больше, чем

количество получаемых или положительных видов чувств, идущих от членов их семей. Также и количество отрицательных видов чувств дети получают больше, чем отдают. Это свидетельствует о том, что эти дети не дополучают внимания и заботы со стороны некоторых членов своей семьи. Видимо, здесь большую роль играет внутрисемейная атмосфера. Значительное количество положительных чувств они отдали господину «Никто».

Проективная методика «Кинестетический рисунок семьи» показала, что в 74% семей складывается благоприятная семейная атмосфера. В 17% семей наблюдается дисгармония во взаимоотношениях с родителями. Данную группу семей объединяет тот факт, что во всех случаях ребенок воспитывается одним родителей – мамой. Так, Максим на своём рисунке первым изобразил старшего брата, примеряя на него роль отца. Ангелина М. изобразила дом, в котором живет ее семья, и себя, находящуюся на улице. При этом девочка пояснила: «Мама дома кушать готовит, а я гуляю». Данный факт свидетельствует о том, что девочка чувствует свою второстепенность по сравнению с иными делами мамы. Рисунки Тимофея, Андрея Б, Германа, Ильи свидетельствуют о применении родителями физических форм наказания, что подтверждают прорисованные у взрослых членов семьи поднятые вверх руки с растопыренными пальцами. 42% детей отобразили в рисунках показатели, свидетельствующие о повышенной тревожности в семье: линии с сильным нажимом, небрежная штриховка, наличие двойных и прерывистых линий.

Беседа с детьми о творчестве показала, что высокий уровень знаний о творчестве имеют 42% старших дошкольников, средний уровень выявлен у 58% опрошенных. Качественный анализ ответов детей показал, что они имеют представление о понятиях «творчество», «фантазия». Дошкольники связывают фантазию с выдумкой, придумыванием чего-то нового. По мнению детей, сочиняют, придумывают и фантазируют ученые, художники, писатели, артисты, клоуны, режиссеры, фокусники, сочинители, фантазеры. Все опрошенные думают, что можно научиться сочинять, придумывать, но им трудно ответить, как это сделать правильно. У детей возникают искренне эмоциональные чувства к творческой

деятельности и фантазированию.

Анализ данных, полученных в ходе проведения методик Э. П. Торренса и О. М. Дьяченко позволил определить уровень развития креативности у детей старшего дошкольного возраста. В частности, у 18% старших дошкольников выявлен высокий уровень, у 55% - средний, у 27% - низкий. Качественный анализ детских работ свидетельствует о том, что по показателю «Беглость» старшие дошкольники не способны даже при активной помощи взрослого (вспомогательных вопросов, подсказок и т.д.) высказывать и реализовывать большое количество новых идей, у них 4-6 рисунка остались незавершенными, недорисованными. По показателю «Гибкость» у них не развита творческая способность придумывать разные образы и картинки. По показателю «Оригинальность» у детей выявлена неразвитая способность порождать новые нестандартные идеи. Старшие дошкольники даже при помощи взрослого не могут придумать оригинальную идею или предлагают только один оригинальный вариант дорисовывания фигур. Зачастую рисунки детей повторяются (цветок, солнце, шар, домик и т.д.). При дорисовывании фигур дошкольники преимущественно использовали только 1-2 цвета, не использовали штриховку, не прорисовывали детали. У наблюдается мотивация к выполнению задания, но они часто отвлекаются, либо им требуется большое количество времени для обдумывания и выполнения будущего рисунка. В целом было выявлено, что старшие дошкольники не могут выдать достаточное количество идей при решении творческого задания, затрудняются придумывать разные образы и картинки, предложить новые оригинальные и нестандартные идеи и замыслы и воплощать их в рисунках.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные подтверждают выводы, сделанные Л. Б. Ермолаевой-Томиной, Е. Ф. Нестер, Т.Н. Шевко о том, что специфика детско-родительских отношений напрямую влияет на проявление креативности ребенка-дошкольника [4,5]. Так, например, при повышенном родительском контроле поведения и поступков ребенка, дошкольник не может полноценно развиваться, в том числе творчески, так как он лишен своего мнения, беспрекословно подчиняется требованиям родителей. В тоже время

бесконтрольность и полное отсутствие требований к ребенку на фоне неорганизованной и хаотичной деятельности также неблагоприятно влияет на развитие его творчества, поскольку сам ребенок не в состоянии развивать в себе свои возможности. Следовательно, наиболее благоприятно на развитие креативности старших дошкольников влияют детско-родительские отношения, при которых, с одной стороны, родители принимают ребенка таким, какой он есть, с его достоинствами и слабостями, ему предоставляется свобода выбора и право быть самостоятельным в определенных видах деятельности, а, с другой стороны, ребенок знает, что он не одинок и в любой момент может обратиться за помощью к родителям, не боясь признаться в своей беспомощности или отсутствии необходимых знаний и опыта. Для проявления креативного потенциала именно такой характер детско-родительских отношений наиболее оптимален.

Таким образом, безусловное принятие родителями ребенка, стремление взрослых к кооперации с ним и незначительная межличностная дистанция, позволяющая ребенку иметь свободу выбора, проявлять инициативу и самостоятельность в набольшей степени коррелируют с проявлениями творческой активности. Дети, продемонстрировавшие высокий уровень креативности (18%), воспитываются в семьях, где родители придерживаются данных установок. В тоже время 27% детей, у которых зафиксирован низкий уровень развития креативности, воспитываются родителями, проявляющими чрезмерный контроль, излишнюю межличностную дистанцию, отсутствие веры в своего ребенка.

Одновременно с этим были получены данные, согласно которым более высокие показатели творчества были выявлены у детей, воспитывающихся родителями более старшего возраста – 33-42 года. К этой категории были отнесены все дети с высоким уровнем развития творчества (18%) и часть детей со средним уровнем развития творчества (36%). А дети с низким уровнем развития креативности (27%) и незначительная часть детей со средним уровнем развития творчества (18%) воспитываются родителями младше 33 лет.

С учетом полученных эмпирических данных в дальнейшем предстоит разработать программу семейного клуба «Растем вместе», нацеленную на

гармонизацию детско-родительских отношений, что, в конечном итоге, положительно скажется на уровне креативности старших дошкольников.

Список литературы

1. Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. – Ростов-на-Дону, 1983. – 320 с.

2. Гилфорд Дж. Креативность / American Psychologist. – 1950. №5. – С. 444-454.

3. Глебова М. В. Влияние средовых факторов на развитие интеллекта и креативности / Международный журнал экспериментального образования. – 2016. №4(2). – С. 33.-37.

4. Ермолаева-Томина Л. Б. Психология художественного творчества: Учеб. пособие для вузов. – М: Академический проект, 2003. - 302 с.

5. Нестер Е. Ф., Шевко Т.Н. Взаимосвязь детско-родительских отношений и креативности мальчиков и девочек старшего дошкольного возраста / Актуальные проблемы формирования психолого-педагогической культуры будущих специалистов: межвуз. сб. науч. ст. с междунар. участием. – Барановичи: БарГУ, 2019. – Выпуск 8. – С. 162–169.

6. Поддьяков Н. Н. Творчество и саморазвитие детей дошкольного возраста: концептуальный аспект. – Волгоград: Перемена, 1994. – 47 с.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ №1155 от 17 октября 2013.) [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2013/11/25/doshk-standart-dok.html (дата обращения: 10.03.2026).

УДК 373.21

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОБОГАЩЕНИЯ СЕНСОРНОГО ОПЫТА ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 3-4 ЛЕТ

Сосина Ирина Викторовна

магистрант

Научный руководитель: Фахрутдинова Резида Ахатовна,

д.пед.н., профессор

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова (ИЭУП),

город Казань

Аннотация. *В материале представлены итоги практической проверки управленческой модели, направленной на сенсорное развитие воспитанников младших групп детского сада. Акцент сделан на том, как административные решения и перестройка предметной среды влияют на формирование перцептивных навыков у детей 3-4 лет. Приведены сравнительные данные диагностики до и после формирующего этапа, а также оценка изменений в профессиональных компетенциях воспитателей. Отдельное внимание уделено описанию конкретных механизмов обратной связи, позволивших корректировать работу в режиме реального времени.*

The article presents the results of a practical test of a management model aimed at the sensory development of pupils in younger kindergarten groups. The emphasis is placed on how administrative decisions and the restructuring of the subject environment affect the formation of perceptual skills in children aged 3-4 years. Comparative data from diagnostics before and after the formative stage, as well as an assessment of changes in the professional competencies of educators, are provided. Special attention is paid to the description of specific feedback mechanisms that allowed adjusting work in real time.

Ключевые слова: *сенсорное воспитание, управление ДОО, развивающая среда, перцептивные действия, дети 3-4 лет, педагогический мониторинг, качество образования*

Keywords: *sensory education, preschool management, developing environment, perceptual actions, children 3-4 years old, pedagogical monitoring, quality of education*

Вопросы сенсорного воспитания традиционно находятся в фокусе внимания дошкольной педагогики. Однако практика показывает, что даже при наличии в группах разнообразных дидактических материалов дети не всегда демонстрируют устойчивую положительную динамику в развитии восприятия. Причина кроется в отсутствии системного управленческого подхода: среда создается ситуативно, а работа педагогов носит разрозненный характер. В условиях реализации Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС ДО) руководитель организации обязан обеспечивать не просто формальное соответствие помещений нормам, но и создавать условия для реального развития каждого ребенка. В связи с этим возрастает роль управленческих механизмов, которые переводят процесс сенсорного воспитания из режима стихийного функционирования в режим целенаправленного проектирования [3, с. 157]

Целью представленного исследования стала разработка и проверка на практике комплекса управленческих условий, обеспечивающих поступательное сенсорное развитие детей 3-4 лет. Мы исходили из гипотезы, что обогащение сенсорного опыта будет эффективным, если администрация и педагогический коллектив будут действовать не изолированно, а в рамках единой модели, включающей анализ среды, обучение кадров и постоянный мониторинг результатов.

Экспериментальная база охватывала 50 воспитанников МБДОУ «Детский сад №31 «Солнышко» г. Альметьевск. Дети были распределены на две равные группы (по 25 человек). В экспериментальной группе (ЭГ) внедрялась авторская модель управления, в то время как в контрольной (КГ) образовательный процесс шел в привычном режиме. Также в орбиту исследования были включены 8 педагогов и 50 родителей.

Разработанная модель опиралась на три взаимосвязанных условия. Первым из них стало проектирование предметно-пространственной среды (ППРС), но не просто как набора игрушек, а как инструмента. Наполнение сенсорных зон в ЭГ осуществлялось на основе данных первичной диагностики. Приоритет отдавался материалам для тактильного обследования и сенсорным коробкам, которые стимулировали самостоятельную поисковую активность малышей. Второе условие касалось методической работы с кадрами. Поскольку входной срез показал, что большинство воспитателей (62,5%) имели средний уровень знаний о сенсорном развитии, был проведен цикл практико-ориентированных семинаров и мастер-классов. Третьим условием стало внедрение мониторинга как постоянной управленческой функции. Промежуточные срезы позволяли вовремя вносить коррективы. Например, когда выяснилось, что дети хуже справляются с заданиями на обоняние и вкус, сенсорный уголок был оперативно дополнен соответствующими баночками и наборами. Подобная гибкость стала возможной именно благодаря тому, что диагностика не была оторвана от образовательного процесса, а встраивалась в него.

Для фиксации результатов использовался комплекс из шести заданий, базирующийся на методиках Е. А. Стребелевой, М. Монтессори, Т. А. Ткаченко и М. И. Земцовой. Оценка проводилась по трем уровням (высокий, средний, низкий) с переводом авторских шкал в единую балльную систему. На старте эксперимента обе группы находились в равных условиях: статистически значимых различий выявлено не было ($p > 0,05$). Высокий уровень развития восприятия демонстрировали лишь около 16-20% детей в обеих выборках. Наибольшие затруднения вызывали задания на дифференциацию запахов и вкусовых ощущений, что объясняется ограниченным чувственным опытом дошкольников.

Контрольный срез, проведенный весной 2025 года, зафиксировал существенный разрыв между группами. В экспериментальной группе число детей с высоким уровнем сенсорного развития выросло до 52% (против 16% на входе). При этом доля воспитанников с низким уровнем сократилась с 36% до 8%. В контрольной группе изменения оказались незначительными: высокий уровень

увеличился лишь с 20% до 24%, что объясняется естественным взрослением детей и накоплением бытового опыта. Достоверность различий была подтверждена с помощью t-критерия Стьюдента ($t = 4,07$; $p < 0,05$), что доказывает эффективность именно управленческого вмешательства, а не случайных факторов.

Помимо количественных показателей, были отмечены и качественные сдвиги. Дети из ЭГ стали чаще использовать обследовательские действия в свободной игре, активнее называть свойства предметов. Родители в анкетах указывали на возросший интерес малышей к цвету и фактуре окружающих вещей. Педагоги отмечали, что воспитанники стали более внимательными и наблюдательными, а их словарный запас пополнился словами, обозначающими сенсорные эталоны.

Управленческое воздействие отразилось и на взрослых. Уровень компетентности педагогов в экспериментальной группе существенно вырос: доля воспитателей с высоким уровнем увеличилась с 12,5% до 62,5%, а количество педагогов с низким уровнем сократилось до нуля. Экспертная оценка ППРС в ЭГ поднялась с 14 до 21 балла, перейдя из среднего в высокий диапазон. В контрольной группе среда осталась на прежнем уровне (15 баллов). Это подтверждает, что изменения в среде не происходят сами по себе, они являются результатом целенаправленных управленческих решений.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что сенсорное развитие дошкольников не происходит автоматически при наличии игрового оборудования. Требуется целенаправленная управленческая работа, включающая анализ исходного состояния, обучение кадров и постоянную обратную связь. Только в этом случае предметно-пространственная среда становится реальным ресурсом развития ребенка, а не пассивным фоном. Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенный алгоритм может быть адаптирован для любой дошкольной организации, заинтересованной в повышении качества образовательных результатов через оптимизацию внутренних ресурсов.

Список литературы

1. Амет-Уста З. Р. Дидактические материалы Марии Монтессори как

средство когнитивного развития дошкольников / Проблемы современного педагогического образования. 2025. №87-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/didakticheskie-materialy-marii-montescori-kak-sredstvo-kognitivnogo-razvitiya-doshkolnikov

2. Галигузова Л.Н., Мещерякова-Замогильная С.Ю. Дошкольная педагогика: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. 253 с.

3. Микляева, Н.В. Теоретические основы дошкольного образования / Н.В. Микляева, Ю.В. Микляева, Н.А. Виноградова. – М.: Юрайт, 2023. – 496 с.

4. Поташник, М.М. Управление качеством образования / М.М. Поташник. – М.: Педагогическое общество России, 2018. – 384 с.

5. Стребелева Е. А. Психолого-педагогическая диагностика развития детей раннего и дошкольного возраста: метод, пособие: с прил. Альбома «Нагляд. материал для обследования детей»/ Е. А. Стребелева, Г. А. Мишина, Ю. А. Разенкова и др.]; под ред. Е. А. Стребелевой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 2004. – 164 с.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 639.1.04

О НЕОБХОДИМОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ЗОН МИНЕРАЛЬНОЙ ПОДКОРМКИ ОХОТНИЧЬИХ ЖИВОТНЫХ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОСВОЕННОСТИ ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ

Сукиасян Роза Бениковна

студентка

Неупокоева Анастасия Алексеевна

студентка

Научный руководитель: Асатурян Андрей Вартанович,

к.т.н., доцент

Азово-Черноморский инженерный институт,

ФГБОУ ВО Донской ГАУ,

город Зерноград

Аннотация. *Статья посвящена обоснованию необходимости организации зон минеральной подкормки для охотничьих животных в условиях высокой сельскохозяйственной освоенности угодий.*

Ключевые слова: *минеральная подкормка, охотничьи животные, сельскохозяйственная освоенность угодий, солонцы, биотехния, микроэлементы, охотничье хозяйства*

Интенсификация сельского хозяйства - распашка целинных земель, внедрение монокультур, активное использование пестицидов и гербицидов - коренным образом изменила ландшафт большинства регионов России. Для охотничьего хозяйства это создало парадоксальную ситуацию. С одной стороны, агроценозы (поля пшеницы, рапса, кукурузы) обеспечивают животных обильной и

легкодоступной кормовой базой, особенно в зимний период. С другой стороны, такой корм физиологически неполноценен. Он богат углеводами, но критически дефицитен по минеральным веществам, необходимым для нормального метаболизма, роста и воспроизводства. В этих условиях организация специализированных зон минеральной подкормки перестает быть рекомендательной мерой и становится обязательным условием устойчивого существования популяций диких животных.

Дикие животные, вынужденные питаться преимущественно на сельскохозяйственных полях, сталкиваются с острым дефицитом макро- и микроэлементов.

1. Фосфор и кальций. Это основа минерального обмена. Фосфор необходим для синтеза АТФ (энергетической валюты клетки) и нормальной работы нервной системы, кальций - для построения скелета. При их недостатке у взрослых особей развивается остеомаляция (размягчение костей), а у самок - дистрофия, аборты и рождение слабого, нежизнеспособного молодняка. Телята лося или оленя, рожденные от самок с минеральным голоданием, часто имеют врожденные патологии скелета и погибают в первые месяцы жизни.

2. Натрий. В растительной пище натрия крайне мало, особенно в древесно-веточном корме. Животные испытывают постоянную «солевую жажду». Ее компенсация за счет снега, воды из придорожных луж (часто загрязненных ГСМ и реагентами) или поедания земли (геофагия) неэффективна и ведет к болезням желудочно-кишечного тракта.

3. Микроэлементы (йод, селен, кобальт, медь). Их дефицит ведет к снижению иммунитета. Животные становятся беззащитны перед сезонными эпизоотиями, тяжелее переносят гнус и паразитов, а также хуже адаптируются к температурным стрессам. Селен, например, напрямую влияет на подвижность сперматозоидов у самцов и вынашиваемость у самок.

Высокая сельскохозяйственная освоенность угодий ведет к искусственной концентрации животных. Вместо того чтобы равномерно распределяться по большой территории, крупные копытные, зайцеобразные, а следом за ними и

хищники, скапливаются у кромок полей. Это порождает каскад проблем:

– Угроза браконьерства. Концентрированные животные становятся легкой добычей. Легкий доступ к полям по дорогам общего пользования упрощает незаконный отстрел.

– ДТП. Массовые выходы животных на автомобильные и железные дороги в поисках корма и соли приводят к росту числа аварий.

– Конфликт с аграриями. Животные не только поедают урожай, но и вытаптывают посевы. В условиях минерального голодания вред от потрав возрастает: не получая нужных веществ из скудной естественной растительности, звери съедают гораздо больше объемов сельскохозяйственной продукции, нанося прямой экономический ущерб.

– Эпизоотии. Высокая плотность населения на локальных участках многократно ускоряет распространение инфекций (например, африканской чумы свиней у кабанов или хронической изнуряющей болезни у оленьих).

В условиях охотничьего хозяйства минеральная подкормка решает следующие задачи:

– Удержание животных. Правильно организованная солонцовая площадка или комплексная минеральная кормушка работает как якорь. Звери привязываются к конкретным угодьям, что позволяет регулировать их плотность, проводить учеты и осуществлять селекционный отстрел в строго определенных местах, минимизируя беспокойство популяции.

– Улучшение потребительских свойств добытой дичи. Минеральная подкормка охотничьих животных оказывает прямое и значительное влияние на товарные и кулинарные качества мяса, а также на трофейную ценность добычи. В условиях высокой сельскохозяйственной освоенности, где рацион животных смещен в сторону углеводистых, но бедных микроэлементами кормов, этот фактор становится решающим.

– Сохранение естественного биотопа. Удерживая зверя на подкормочных площадках, охотхозяйство снижает нагрузку на прилегающие посевы и молодые лесные культуры.

Организация подкормочных зон должна отвечать следующим требованиям:

– Зоны подкормки должны выноситься вглубь лесных массивов, оврагов или заболоченных участков, в стороне от федеральных трасс и населенных пунктов. Это уводит зверя с дорог и снижает фактор беспокойства. Площадка должна быть дренирована, чтобы минералы не уходили в почву после первого же дождя.

– Общепринятая подкормка прессованной поваренной солью («лизунец») в современных условиях недостаточен. Наиболее эффективны комплексные минеральные смеси. Их состав должен корректироваться в зависимости от региона и вида животных, но базово включать поваренную соль (источник натрия), кормовую муку (костную или рыбную), кормовой мел или известняк (кальций), диаммонийфосфат (фосфор), а также добавки микроэлементов. Для кабанов в смесь целесообразно добавлять зерновую фракцию, для оленьих - древесную золу.

– Высокую эффективность, превосходящую классические деревянные кормушки, поазали искусственные солонцы в виде канав, засыпанных смесью глины и минералов (такая форма лучше удовлетворяет потребность в геофагии), или автоматические дозаторы, защищающие корм от осадков.

– Несмотря на необходимость круглогодичного наличия минералов в агроландшафтах, так как монокультуры не обеспечивают базового минерального фона даже летом, пик потребности приходится на раннюю весну (послеродовой период, лактация) и осень (гон, накопление жира).

– Зоны высокой концентрации животных требуют строгого ветеринарного надзора. Площадки необходимо регулярно очищать от навоза и не съеденных остатков, чтобы не превращать их в очаги распространения гельминтозов и инфекций.

Таким образом, в условиях, когда естественный ландшафт заменен агропромышленным, дикие животные существуют в условиях перманентного метаболического стресса. Отсутствие минеральной подкормки надлежащего состава и объема в таких угодьях обрекает популяцию на деградацию, болезни и высокую смертность молодняка, а также провоцирует хронический конфликт с

аграрным сектором.

Организация научно обоснованных, грамотно размещенных и обеспеченных комплексными смесями зон минеральной подкормки - это не благотворительность, а базовый элемент современного интенсивного охотхозяйства и единственный способ компенсировать дефицит природной кормовой базы, сохранить здоровье и генетический потенциал популяций, снизить ущерб сельскому хозяйству и создать управляемую, качественную ресурсную базу для охотничьего туризма и рационального природопользования.

Список литературы

1. Данилкин А. А. Дикие копытные в охотничьем хозяйстве (экология и управление ресурсами). - М.: НКПЦ «Графпресс», 2006. - 368 с.

2. Востоков Е. К., Лях Ю. Г. Минеральная подкормка для охотничьих животных (солонцы) / Охотничье хозяйство: управление и биотехния. — Минск: БелНИЦ «Экология», 2018. - С. 45–52.

3. Тонкости биотехнии: опыт организации подкормки в условиях высокой сельскохозяйственной освоенности / Охотники.ру. - 2022. - №8.

4. Биотехнические мероприятия в условиях лесостепи: влияние на популяцию диких животных / Сборник материалов Иркутского ГАУ. — Иркутск, 2020. - 64 с.

5. Методические указания по организации, проведению и учету эффективности биотехнических мероприятий в охотничьих угодьях / Под ред. Н. Г. Сысоева. - М.: Центрохотконтроль, 2015. — 96 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК МАТЕРЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЛИЧНОСТНОЙ ЗРЕЛОСТИ

Усынина Татьяна Петровна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и наркологии
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация. *Представлены результаты эмпирического исследования особенностей родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости. Испытуемые-мамы с высоким уровнем личностной зрелости в отношениях со своим ребенком демонстрируют оптимальный эмоциональный контакт, который проявляется в партнерских отношениях, испытуемые-мамы с низким уровнем личностной зрелости в отношениях со своим ребенком демонстрируют излишнюю эмоциональную дистанцию с ребенком и излишнюю концентрацию на ребенке.*

Ключевые слова: *родительские установки, личностная зрелость, отношения с ребенком, поведение матери*

Поведение матери, с одной стороны, может рассматриваться как источник развития ребенка − как субъекта познавательной активности, общения, самосознания; с другой стороны, может быть причиной, способствующей социальному и психологическому нездоровью детей, лишающей их эмоциональной стабильности и безопасности. Социально-демографические факторы, оказывают влияние на установки матерей, что позволило нам выделить противоречие между необходимостью понимания особенностей родительских установок и ограниченностью исследований, уточняющих эту специфику.

Актуальность исследования родительских установок обусловлена в первую очередь постоянно растущим социальным запросом со стороны практики и усилением психологических проблем материнства и детства, связанных с обострением демографической ситуации, ростом социального сиротства, ювенильного материнства все большее число матерей оказываются не готовы к формированию адекватных адаптационных механизмов новой социальной роли, что в целом, приводит к серьезным испытаниям, которые могут быть обусловлены личностной незрелостью [3], [5], [6]. В связи с этим возникает закономерный исследовательский интерес к проблеме особенностей родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости.

Несмотря на то, что в отечественной и зарубежной литературе достаточно глубоко и подробно рассмотрены особенности влияния стилей семейного воспитания на формирование личности ребенка (Е. С. Шефер, М. Земска, А. Г. Лидере, Т. В. Лодкина, Е. Л. Тихомирова и др.), слабо изученным остается вопрос об особенностях родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости.

Следует отметить, что большинство работ, посвященных изучению влияния стилей семейного воспитания, рассматривают данную проблему как без учета особенностей родительских установок матерей, так и без учета особенностей личностной зрелости отца и матери. Однако и родительские установки, и личностная зрелость являются одним из основных условий, влияющих на специфику индивидуального развития [1], [2], [4].

Следует признать, что наиболее исследованной областью является проблема влияние стилей родительского воспитания на личностные особенности детей. Вместе с тем, как показывает анализ литературы это влияние изучалось преимущественно в раннем и детском возрастах (З. А. Зимелева, О. А. Карабанова, А. А. Сараева) и в меньшей степени в подростковом и юношеском.

Признавая тот факт, что становление личности осуществляется на всех этапах жизни человека и что ранние периоды детства уникальны для развития индивидуума, мы считаем, что подростковый и юношеский возраст важнейшие

периоды для развития личности, а «родительские установки» оказывают наибольшее влияние на восприятие себя и других, на формирование тех или иных черт личности и смысловых ориентиров личности. Поэтому весьма актуальным представляется проведение исследования с целью выявления особенностей родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости, что подтверждает научную актуальность исследования.

Цель исследования: выявить особенности родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости.

В исследовании принимали участие 80 матерей обучающихся младшего школьного возраста в г. Оренбург. Возраст испытуемых 30-50 лет.

Особенности родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости изучали с помощью опросника PARI (Е. С. Шефер, Р. К. Белл) и опросника личностной зрелости (Ю. З. Гильбуха). Далее нами проводился сравнительно-сопоставительный анализ выраженности особенностей родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости (критерий U-Манна-Уитни).

Рассмотрим результаты эмпирического исследования выраженности родительских установок опрошенных матерей (рисунок 1).

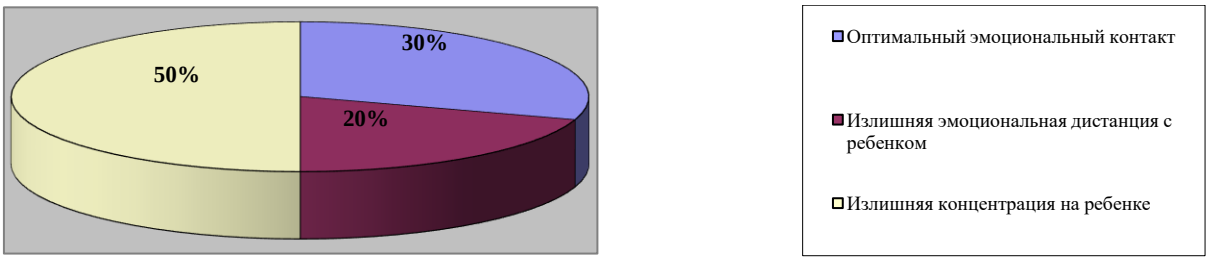

Рисунок 1 - Результаты исследования уровня выраженности родительских установок опрошенных матерей (в %)

На рисунке 1 видно, что у большинства испытуемых матерей (50%) выявлена излишняя концентрация к ребенку. Испытуемые, демонстрирующие такое отношение, проявляют чрезмерную заботу, подавляют волю ребенка, его агрессивность и сексуальность. В общении с детьми родители чрезмерно

вмешиваются в мир ребенка, стремятся ускорить его развитие, исключают внесемейные влияния. Они стараются предупредить трудности ребенка, удовлетворить все его потребности. Испытуемые данной группы чаще всего беспокоятся о ребенке, воспринимая его слишком маленьким, не способным решать никакие проблемы самостоятельно.

30% испытуемых-матерей демонстрируют оптимальный эмоциональный контакт в отношении со своим ребенком. Испытуемые данной группы, выстраивают отношения партнерства с ребенком, поощряют его активность, выстраивают уравнительные отношения между собой и ребенком. Им всегда интересны дела и планы их ребенка, они всегда готовы помочь ему, по достоинству оценить интеллектуальные и творческие способности ребенка, они горды за его достижения, не доминируют, а признают его равным. Если ребенок проявляет инициативу и самостоятельность, то такие родители выказывают, проявляя доверие, стараясь понять точку зрения ребенка в спорных ситуациях.

Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком выявлена у 20% испытуемых-матерей. Испытуемые с данным типом родительского отношения характеризуются проявлением излишней строгости по отношению к ребенку, уклонением от контакта с ребенком, проявлением раздражительности, вспыльчивости, суровости. Отношение с детьми имеет авторитарный характер. От ребенка требуют строгую дисциплину и полное послушание, если ребенок провинился, то его за это жестоко наказание. В такое семье родители навязывают свою волю ребенку и его мнение не учитывают. Все что ребенок думает, мыслит, чувствует находятся «под контролем» родителей.

Рассмотрим результаты эмпирического исследования выраженности уровня личностной зрелости матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста (рисунок 2).

Рассмотрим результаты эмпирического исследования выраженности уровня личностной зрелости матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста (рисунок 2).

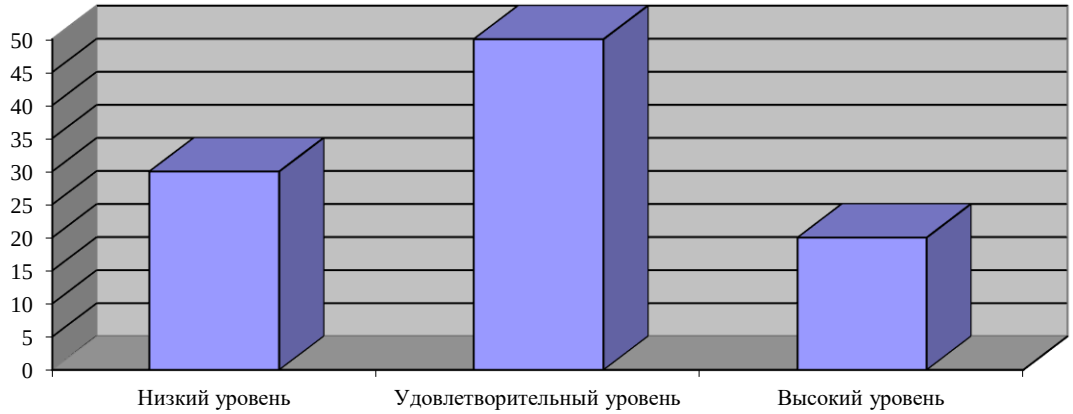

Рисунок 2 - Результаты исследования уровня выраженности личностной зрелости матерей, воспитывающих детей младшего школьного возраста (в %)

На рисунке 2 видно, что большинству опрошенных матерей (50%) свойствен удовлетворительный уровень личностной зрелости, а это говорит нам о том, что испытуемые данной группы, как правило, демонстрируют такие показатели, как рассудительность, мотивация достижения, у них выражено чувство гражданского долга. При этом у испытуемых данной группы в большинстве случаев отсутствует способность к психологической близости с другими людьми, они не уверены в собственных способностях и возможностях, у них отсутствует адекватная самооценка.

Низкий уровень личностной зрелости проявился у 30% опрошенных матерей. Данные испытуемые характеризуются низким уровнем самооценки и отношения к себе, у них повышена критичность, они не принимают других и не готовы устанавливать психологическую близость с другими людьми. Испытуемые данной группы не принимают свою социальную роль, у них отсутствует стремление к достижению результата, которое может проявляться в отсутствии желания что-либо делать для того, чтобы изменить себя и ситуацию.

Высокий уровень личностной зрелости продемонстрировали 30% опрошенных. Испытуемым данной группы имеют согласованную «Я-концепцию», высокую или адекватную самооценку и отношение к себе, осознанную регуляцию собственного поведения. У них присутствует мотивация к достижению, они умеют ставить осознанные цели, задачи, соотносить их в жизни, что действительно необходимо и значимо для их личности. У них высокий уровень

ответственности за выполнение и результат, они понимают и соотносят свои гражданские права и обязанности, они соблюдают законы, принимают общественные нормы и правила, адекватно их используют. В межличностном взаимодействии данные испытуемые способны к психологическому принятию других людей, они уважают и ценят, и выстраивают равноправные и доверительные отношения.

Проанализировав результаты исследования особенностей родительских установок в группах матерей с разным уровнем личностной зрелости, мы можем отметить следующие особенности (таблица 1).

Оптимальный эмоциональный контакт в отношении с ребенком в группе матерей с высоким уровнем личностной зрелости находятся на достаточно высоком уровне: 64%, 26% – удовлетворительный уровень, 10 % − низкий уровень личностной зрелости.

Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком в группе матерей с низкой личностной зрелостью имеет тенденцию к занижению: 47% – низкий уровень личностной зрелости, 40% – удовлетворительный уровень, 13% – высокий уровень.

Таблица 1 - Результаты исследования особенностей родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости

Особенности родительских установок	Уровни выраженности личностной зрелости матерей		
	Низкий уровень	Удовлетворительный уровень	Высокий уровень
Оптимальный эмоциональный контакт	10%	26%	64%
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	47%	40%	13%
Излишняя концентрация на ребенке	60%	20%	20%

Излишняя концентрация на ребенке, т.е. гиперопекающее воспитание у матерей с низким уровнем личностной зрелости находится на низком уровне: 60% – низкий уровень, 20% – удовлетворительный уровень, 20% − высокий уровень личностной зрелости.

В группе матерей с высоким уровнем личностной зрелости большинство испытуемых продемонстрировали такое отношение к ребенку, как: побуждение словесных проявлений (75%), партнерские отношения (80%), развитие активности ребенка (60%); в группе с удовлетворительным уровнем личностной зрелости 50% испытуемых продемонстрировали в отношениях с ребенком побуждение словесных проявлений, вербализацию, 56% − партнерские отношения, 70% матерей поощряют развитие активности ребенка, 60% матерей выступают за уравнительные отношения между родителями и ребенком; в группе с низким уровнем личностной зрелости 45% матерей побуждают словесные проявления ребенка; партнерские отношения с ребенком демонстрируют 40% испытуемых, развитие активности ребенка поощряют 60% испытуемых и 50% испытуемых-матерей используют в отношении со своим ребенком уравнительные отношения.

У матерей из группы с высоким уровнем личностной зрелости мы наблюдаем по шкалам «раздражительность, вспыльчивость» и по «суровость, излишняя строгость» одинаковое количество испытуемых, а именно 15%. Данные испытуемые признаются, что иногда бывают: раздражительны, вспыльчивы, суровы, строги в отношениях со своим ребенком, и чаще всего данные эмоциональные проявления касаются лишь учебной деятельности их ребенка. В группе матерей с высокой личностной зрелостью не выявлено ни одного испытуемого, который уклоняется от контакта с собственным ребенком.

В группе матерей демонстрирующих удовлетворительный уровень личностной зрелости 30% испытуемых в воспитании ребенка применяют суровость и излишнюю строгость, 15% испытуемых-матерей − раздражительны и вспыльчивы. Такие матери больше полагаются на строгость наказания, упрямо считая, что они «всегда правы, а их дети еще слишком малы, чтобы судить об этом». По шкале «уклонение от контакта с ребенком» не выявлено ни одного испытуемого в данной группе.

Таким образом, сравнительный анализ особенностей родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости показал, что большинство матерей с высоким уровнем личностной зрелости в отношениях со своим

ребенком демонстрируют оптимальный эмоциональный контакт, который проявляется в партнерских отношениях, в развитии активности ребенка, в равных отношениях между родителем и ребенком. Матери данной группы своими поступками стремятся завоевать расположение ребенка, модель родительско-детских отношений построена по схеме равенства прав и привилегий, которые способствуют установлению необходимого эмоционального контакта с ребёнком, эмоциональной близости с ним. При возникновении конфликтов испытуемые данной группы решают возникшие задачи мирным путем.

Большинство матерей с низким уровнем личностной зрелости в отношениях со своим ребенком демонстрируют излишнюю эмоциональную дистанцию с ребенком и излишнюю концентрацию на ребенке. Испытуемые с низким уровнем личностной зрелости, демонстрирующее эмоциональную дистанцию с ребенком оказывают большое словесное влияние на ребенка, настаивают на выполнении своих требований, стремятся использовать убеждения с тем, чтобы добиться послушания, часто прибегают к крикам, жалобам, ругани; модель родительско-детских отношений построена по ложной схеме равенства прав и привилегий, так как интерес к жизни ребенка имеет под собой стремление получить информацию о детско-родительских отношениях, провести ее анализ и произвести действия, направленные на их коррекцию. Испытуемые с низким уровнем личностной зрелости, демонстрирующее излишнюю концентрацию на ребенке стараются чрезмерно вмешиваться в мир ребенка, что проявляется в желании матери делать все, чтобы знать, о чем думает ребенок; знать его тайные мысли или быть убежденной в том, что у него нет тайн; мать настаивает на необходимости ребенка учиться жизни, устанавливает обязанности, не соответствующие его возрасту, а ребенок боится ее разочаровать, принимает взгляды старшего за основу своего развития.

Проанализировав результаты, приведенные в таблице 2, мы можем сделать вывод о том, что особенности родительских установок у матерей с разным уровнем личностной зрелости существенно отличаются.

64% испытуемых из группы матерей с высоким уровнем личностной

зрелости демонстрируют в своих отношениях с ребенком оптимальный эмоциональный контакт, 20% − излишнюю концентрацию на ребенке, 13% − излишнюю эмоциональную дистанцию с ребенком.

В группе матерей с удовлетворительным уровнем личностной зрелости результаты распределились следующим образом: 40% испытуемых − излишняя эмоциональная дистанция с ребенком, 26% испытуемых − оптимальный эмоциональный контакт, 20% испытуемых − излишняя концентрация на ребенке.

Таблица 2 - Результаты исследования особенностей родительских установок у матерей с разным уровнем личностной зрелости

Обследуемые группы	Особенности родительских установок			Сред показатель R
	Оптимальный эмоциональный контакт	Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	Излишняя концентрация на ребенке	
Матери с высоким уровнем личностной зрелости (%)	64%	13%	20%	0,66
Матери с удовлетворительным уровнем личностной зрелости (%)	26%	40%	20%	0,39
Матери с низким уровнем личностной зрелости	10%	47%	60%	0,36

Среди матерей с низким уровнем личностной зрелости большинство матерей (60%) демонстрируют излишнюю концентрацию на ребенке, 47% − излишнюю эмоциональную дистанцию с ребенком и только 10% испытуемых в своём воспитании демонстрируют оптимальный эмоциональный контакт.

Сравниваем полученные по группам коэффициенты ранговой корреляции (r). В группе матерей с высоким уровнем личностной зрелости коэффициент ранговой корреляции (r=0,66) соответствует родительской установке «оптимальный эмоциональный контакт», в группе матерей с удовлетворительным уровнем личностной зрелости (r=0,39) соответствует родительской установке «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком», а в группе матерей с низким уровнем личностной зрелости (r=0,36) соответствует родительской установке «излишняя

концентрация на ребенке».

Так, рассмотренные выше данные позволяют увидеть некоторые различия в особенностях родительских установок у матерей с разным уровнем личностной зрелости. Для проверки данных различий нами использовались расчеты по непараметрическому критерию различий U-Манна-Уитни для несвязных выборок (таблица 3).

Таблица 3 - Различия в особенностях родительских установок в группах матерей с низким и высоким уровнем личностной зрелости

Особенности родительских установок	$U_{эмп}$	Значимость (p)*
Оптимальный эмоциональный контакт	44,5	0,01
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	71	0,05
Излишняя концентрация на ребенке	57,5	0,01

*При $n_1=n_2=30$ $U_{кр}=83$ для $p\leq0,05$, $U_{кр}=66$ для $p\leq0,01$

Из данных таблицы 3 можно видеть, что по всем рассматриваемым родительским установкам обнаруживаются достоверные различия на уровне 0,05 и 0.01 по U-Манна-Уитни. Так, можно утверждать, что использование в воспитании с детьми оптимального эмоционального контакта (побуждение словесных проявлений, партнерские отношения, развитие активности ребенка, уравнительные отношения с ребёнком) характерно для матерей с высоким уровнем личностной зрелости, а использование в семье излишней концентрации на ребенке (чрезмерная забота, подавление воли, опасение обидеть, исключение внесемейных влияний, подавление агрессивности и сексуальности, чрезмерное вмешательство в мир ребенка, стремление ускорить развитие ребенка) характерно для матерей с низким уровнем личностной зрелости (с достоверностью 0,05 и 0,01 по U-Манна-Уитни).

Список литературы

1. Васильева, Е. Н. Гендерные различия в структурных компонентах психологической готовности к родительству / Е. Н. Васильева / Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 32-35.

2. Гурко, Т. А. Брак и родительство в России / Т. А. Гурко. – М.: Институт

социологии Российской академии наук, 2008. – 324 с.

3. Мороз, И. А. Исследование взаимосвязи личностной зрелости с родительскими установками и самоактуализацией / И. А. Мороз / Наука. Технологии инновации. – 2015. - .68-69.

4. Персиянцева, Е. Н. Родительские установки матерей с разным уровнем качества жизни / Е. Н. Персиянцева / Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 558.

5. Ролинская, Т. М. Психологическая готовность к материнству / Т. М. Ролинская / Проблемы современного педагогического образования. - 2016. - № 50-1. - С. 244-249.

6. Шилова, Т. А. Родительские установки и их влияние на развитие личности учащихся / Т. А. Шилова, Л. И. Костерева / Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы XI Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 282-285.

УДК 316.6

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРНЫЙ И СТРУКТУРНО-РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ

Шишова Антонина Сергеевна

магистрант

Научный руководитель: Панченков Евгений Юрьевич,

к. пс. н., доцент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,

г. Воронеж

Аннотация. *В статье представлены результаты пилотного эмпирического исследования структуры представлений о психологической безопасности у студенческой молодёжи (N = 135) в условиях информационно-психологического противоборства. методом факторного анализа с извлечением факторов методом главных компонент и вращением Varimax выделены компоненты, отражающие эмоциональные, когнитивные, социальные, экзистенциальные и нормативные аспекты субъективной безопасности. Результаты полезны для разработки программ психолого-педагогического сопровождения и тренингов медиаграмотности.*

Abstract. *The article presents the results of a pilot empirical study of the structure of perceptions of psychological safety among student youth (N = 135) in the context of information-psychological confrontation. Using factor analysis with extraction of factors using the principal component method and Varimax rotation, components reflecting emotional, cognitive, social, existential, and normative aspects of subjective safety were identified. The results are useful for developing programs of psychological and pedagogical support and media literacy training.*

Ключевые слова: *психологическая безопасность, студенческая молодёжь, информационно-психологическое противоборство, факторный анализ, логистическая регрессия, ценностные ориентации, представления о психологической безопасности, структура представлений, поддерживающее окружение*

Keywords: *psychological safety, university students, information-psychological confrontation, factor analysis, logistic regression, value orientations, conceptions of psychological safety, structure of representations, supportive environment*

В условиях современного информационно-психологического противоборства проблема психологической безопасности личности и общества становится особенно актуальной. Наблюдается значительный рост объёма агрессивной, манипулятивной и деструктивной внешней информации, оказывающей глубокое негативное воздействие на психическое состояние людей. В условиях неопределённости внешней среды и психоэмоционального напряжения в обществе это оказывает существенное влияние на ценностно-смысловую структуру личности молодежи, её адаптивные механизмы и поведенческие стратегии. Это подтверждается исследованиями таких учёных, как И. А. Баева, Г. В. Грачёв, Н. А. Лызь, С. К. Рощин, Н. Е. Харламенкова и другие.

Особенно уязвимым в этой ситуации оказывается студенты вузов, которое находится в процессе активного личностного и профессионального становления. Молодые люди интенсивно взаимодействуют с цифровой средой и подвергаются разнонаправленным негативным информационным влияниям. В последние годы наблюдается рост интереса учёных к исследованию субъективных представлений о психологической безопасности. Этот феномен включает в себя не только объективные аспекты защищённости, но и внутренние переживания человека, его ценностные установки, стратегии преодоления трудностей и восприятие окружающего мира (Т. И. Колесникова, М. А. Котик, В. Г. Маралов, Т. В. Эксакусто и другие исследователи). Однако, несмотря на значительное количество теоретических и эмпирических работ, структура представлений о психологической безопасности остаётся дискуссионной.

На первом этапе нашего исследования мы изучили представления

студентов-психологов ВГУ о психологической безопасности. Анализ ассоциаций и анкетирование выявил ключевые категории: эмоциональное состояние (спокойствие, радость); позитивное окружение (доверие, друзья); инструментально-когнитивный компонент (уверенность, опыт); ресурсная безопасность (дом, здоровье); ценностные ориентации (автономия, самореализация); избегание/защита (отстранённость); экстернальность (удача).

Полученные выводы говорят, что студенты больше всего ценят эмоциональное состояние, позитивное окружение и инструментально-когнитивный компонент. Ценностно-смысловой аспект и избегание выражены слабее. Этот профиль безопасности говорит о психологической зрелости и рациональности студентов. Однако выделенные категории могут быть результатом субъективной группировки. Их взаимосвязь требует дальнейшего изучения с помощью факторного анализа и регрессионного моделирования.

Второй этап исследования заключался в эмпирической верификации структуры представлений о психологической безопасности у студенческой молодёжи. Необходимо было оценить предиктивные роли выделенных компонентов в отношении субъективного ощущения безопасности студентов.

В исследовании приняли участие 135 студентов факультета философии и психологии Воронежского государственного университета (N = 135). Возраст испытуемых – 18–25 лет.

Основываясь на результатах предыдущего этапа и теоретических положениях (И. А. Баева, Ю. К. Дуганова, С. Коэн, Дж. Лакофф, Ч. Осгуда, Н. Е. Харламенкова), мы выдвигаем следующие гипотезы:

1. Структура представлений о психологической безопасности является многомерной и включает эмоциональные, когнитивные, социальные, экзистенциальные и нормативные компоненты.

2. Наиболее значимыми предикторами субъективного ощущения безопасности являются эмоциональное благополучие, социальная поддержка и личностная компетентность.

3. Ценностно-смысловые и нормативные компоненты вносят

дополнительный, но менее выраженный вклад в ощущение безопасности.

В исследовании использовались следующие методики:

1. Анкета психологической безопасности, разработанная в лаборатории психологии посттравматического стресса Института психологии РАН под руководством Н. Е. Харламенковой (коллектив соавторов, 2017), адаптированная к целям исследования. Анкета включает 47 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале (от -2 до +2), отражающих различные аспекты представлений о безопасности.

2. Авторский опросник, включающий открытые вопросы для сбора ассоциаций и образов на понятие «психологическая безопасность», в том числе бинарный вопрос о субъективном ощущении безопасности.

С целью выявления латентной структуры представлений о психологической безопасности среди молодёжи был проведён факторный анализ 47 ассоциаций, связанных с этим понятием. Предварительный анализ показал высокий уровень пригодности данных к факторизации: KMO = 0,87, критерий сферичности Бартлетта значим ($p < 0,001$). Факторный анализ выполнен методом главных компонент с последующим ортогональным вращением Varimax. Критерий выделения факторов –собственные значения> 1.

Выбор ортогонального вращения обусловлен задачей получения некоррелированных факторов для последующего анализа. Для каждой шкалы, сформированной на основании факторных нагрузок, рассчитана внутренняя согласованность с помощью коэффициента α-Кронбаха; значения ($\alpha > 0,7$) свидетельствуют о приемлемой надёжности шкал.

Для оценки предиктивной роли выделенных факторов в отношении субъективного ощущения безопасности проведён логистический регрессионный анализ (биномиальная логит-модель, метод пошагового включения). Зависимая переменная – бинарный ответ «Чувствую ли я себя в безопасности?» (1 – «Да», 0 – «Нет»). Независимые переменные – факторные шкалы, выделенные в ходе факторного анализа.

Статистическая обработка выполнена в программе STATISTICA 10.

Первоначальный факторный анализ позволил выделить 7 факторов, объясняющих 49,2 % дисперсии.

С целью улучшения структуры и повышения содержательной валидности из анализа были исключены 7 пунктов, имеющих низкие факторные нагрузки (меньше 0,40) и/или неоднозначную смысловую принадлежность. Таким образом, были исключены следующие ассоциации:

– «жесткость, напористость» – по причине смыслового противоречия с психологической безопасностью. Люди не связывают жесткость и напористость с безопасностью. Для одних это признак силы, для других – агрессии. Ответы разбросаны хаотично, корреляций с другими понятиями нет, нагрузка составила -0,55.

Обращение к Богу и религия являются важным мировоззренческим фактором, связанным с чувством безопасности для верующих, но не для неверующих. Этот аспект важен, так как для многих религия служит ресурсом психологической защищенности. Исследования показывают, что религиозная вера помогает справляться с экзистенциальной тревогой и находить смысл жизни [1, 2]. Поэтому данный пункт можно включить в фактор «Базовая защищенность и стабильность», чтобы лучше отразить различные стратегии обеспечения психологической безопасности;

– «душевное тепло» – понятие слишком «размыто». Оно может быть и про поддержку (Фактор 2), и про комфорт (Фактор 3), и про любовь (Фактор 5). Из-за этого оно не помогает выделить четкие группы;

– «компетентность, ум» – по смыслу он должен попасть в «Надежность/стабильность» (Фактор 5) или «Самореализацию» (Фактор 1), но математически оказался в «Социальной поддержке» (Фактор 2), что вызывает смысловой диссонанс;

– «отсутствие угроз» – по смыслу это ядро любого понятия безопасности, но при этом слишком очевиден. Все испытуемые почти одинаково высоко оценили его, поэтому он не имеет вариативности;

– «здоровье» – также базовая ассоциация, которую все оценили высоко,

разброса мнений почти нет;

– «госбезопасность» – понятие имеет сильный социально-политический оттенок. Реакция на него сильно зависит от отношения к власти. Одни чувствуют защиту, другие – угрозу. Из-за этого ответы поляризованы, и данная ассоциация не коррелирует с другими ассоциациями. Она выпадает из общей психологической структуры.

После удаления пунктов с низкой интерпретируемостью и слабой нагрузкой был проведён повторный факторный анализ по 40 оставшимся пунктам. В результате была подтверждена 7-факторная структура представлений о психологической безопасности, объясняющая 52 % общей дисперсии (таблица 1).

Таблица 1 - Факторная структура представлений о психологической безопасности среди студенческой молодежи

№ п/п	Название фактора	Ключевые ассоциации (нагрузка)	Описание	% дисперсии
1	Эмоциональное благополучие и оптимизм	Радость (0,70), позитивное окружение (0,68), общительность, открытость (0,72), счастье (0,50), самореализация (0,49), любовь (0,40).	Данный фактор отражает эмоционально-позитивное измерение психологической безопасности. Испытуемые с высокими значениями по этому фактору склонны связывать безопасность с переживанием радости, счастья и любви, а также с наличием позитивного социального окружения и возможностью самореализации. Низкие значения могут указывать на дефицит позитивных переживаний и социальной включенности.	8,9
2	Личностные ресурсы (компетентность)	Мудрость (0,54), жизненный опыт, опытность (0,73), автономия и независимость (0,61), самоанализ, самопознание (0,59), обдумывание, прогнозирование (0,51), владение	Этот фактор объединяет ассоциации, связанные с внутренними когнитивными и поведенческими ресурсами личности. Безопасность здесь понимается не как пассивная защита извне, а как результат обладания знаниями, опытом, способностью к самоанализу и прогнозированию ситуаций. Высокие значения по данному фактору характеризуют личность, которая чувствует себя	8,8

№ п/п	Название фактора	Ключевые ассоциации (нагрузка)	Описание	% дисперсии
		информацией (0,56), самореализация (0,57), надежность (0,41).	в безопасности за счет своей компетентности, автономности и умения справляться с жизненными вызовами. Это «активная» безопасность – безопасность через контроль над своей жизнью.	
3	Базовая защищенность и поддерживающее окружение	Уверенность в себе (0,50), надежность (0,60), равновесие, стабильность (0,52), защита, защищенность (0,75), надежные друзья, верность (0,52).	Данный фактор представляет собой ядро психологической безопасности – базовое чувство защищенности, которое опирается на надежные социальные связи (верные друзья), внутреннюю уверенность и ощущение стабильности и равновесия. В отличие от Фактора 2 (компетентность), здесь акцент смещен на доверие к миру и другим людям. Высокие значения характерны для людей, которые чувствуют, что у них есть «тыл» – люди и обстоятельства, на которые можно положиться в трудной ситуации.	7,4
4	Спокойствие и субъективный контроль	Контроль ситуации (0,55), безмятежность, легкость (0,61), отсутствие тревоги, страха (0,64), талисманы, обереги (0,63), счастье (0,56), равновесие, стабильность (0,42), чувство комфорта (0,42).	Этот фактор объединяет два тесно связанных аспекта: эмоциональное спокойствие (отсутствие страха и тревоги, безмятежность) и веру в возможность контроля над происходящим (включая даже иррациональные способы контроля – талисманы, обереги). Психологическая безопасность здесь переживается как состояние внутренней тишины и уверенности в том, что человек способен повлиять на ход событий. Низкие значения могут свидетельствовать о хронической тревоге и ощущении беспомощности.	7,3
5	Внутренний локус контроля (независимость от внешнего)	Бункер, бомбоубежище (-0,48), доверие (0,40), везение, удача (-0,65), спокойствие,	Отрицательные нагрузки на переменные «везение» и «бункер» указывают на то, что психологическая безопасность здесь не связывается с внешними, материальными или	5,3

№ п/п	Название фактора	Ключевые ассоциации (нагрузка)	Описание	% дисперсии
		умиротворение (0,47).	случайными факторами. Напротив, высокие значения по этому фактору означают, что безопасность ассоциируется с внутренним спокойствием и доверием (к себе и миру). Это фактор зрелой психологической защиты – человек чувствует себя в безопасности не потому, что у него есть «бункер» или «удача», а потому что он способен сохранять внутреннее равновесие в любой ситуации.	
6	Базовые жизненные ресурсы	Дом, жилье (0,53), чувство комфорта (0,46), наличие денег (0,62), физическая подготовка, сила (0,48), любовь (0,43), мир в стране (0,58), надежный спутник, опора (0,45).	Данный фактор отражает экзистенциальные и материальные основы чувства безопасности. Здесь безопасность понимается вполне конкретно и «приземленно»: наличие денег, жилья, мира в стране, а также надежного близкого человека. Это фундаментальные условия выживания и стабильного существования. Высокие значения показывают, что человек связывает свою безопасность в первую очередь с удовлетворением базовых потребностей (по Маслоу). Низкие значения могут говорить о том, что эти потребности фрустрированы или не являются для испытуемого релевантными.	6,8
7	Социальная ответственность и осознанность	Ответственность, долг (0,63), поддержка, помощь (0,42), порядок, соблюдение норм, правил (0,63), обдумывание, прогнозирование (0,50), надежный спутник, опора (0,42), избегание	Этот фактор объединяет ассоциации, связанные с социально-нормативным и рефлексивным измерением безопасности. Безопасность здесь обеспечивается через соблюдение правил, принятие ответственности, терпимость к другим, избегание рискованных ситуаций и способность прогнозировать последствия своих действий. Это «цивилизованная» безопасность – безопасность, которая	7,4

№ п/п	Название фактора	Ключевые ассоциации (нагрузка)	Описание	% дисперсии
		опасных ситуаций (0,55), терпимость, сдержанность (0,64).	достигается через социальную зрелость, самоограничение и учет интересов других людей. Высокие значения характерны для личностей с развитой совестью и социальной ответственностью.	

На этапе проверки внутренней согласованности выделенных шкал с помощью коэффициента α Кронбаха получены следующие результаты:

– три шкалы продемонстрировали приемлемую надёжность (α> 0,7) – «Эмоциональное благополучие и оптимизм» (α = 0,811), «Личностные ресурсы (компетентность)» (α = 0,772), «Базовая защищённость и поддерживающее окружение» (α = 0,771). Шкалы «Спокойствие и субъективный контроль» (α = 0,638), «Базовые жизненные ресурсы» (α = 0,663) и «Социальная ответственность и осознанность» (α = 0,693) показали сомнительный уровень надёжности и требуют дополнительного исследования. Шкала «Внутренний локус контроля (независимость от внешнего)» (α = 0,088) была исключена из дальнейшего анализа в связи с крайне низкой внутренней согласованностью, несмотря на статистически подтверждённую факторную нагрузку (таблица 2).

Таблица 2 – Проверка внутренней согласованности выделенных шкал с помощью коэффициента α Кронбаха

№	**Шкалы**	**коэффициент α Кронбаха**
1.	Эмоциональное благополучие и оптимизм	α = 0,811
2.	Личностные ресурсы (компетентность)»	α = 0,772
3.	Базовая защищённость и поддерживающее окружение	α = 0,771
4.	Спокойствие и субъективный контроль	α = 0,638
5.	Базовые жизненные ресурсы	α = 0,663
6.	Социальная ответственность и осознанность	α = 0,693
7.	Внутренний локус контроля (независимость от внешнего)	α = 0,088

Таким образом, в качестве итоговой рабочей модели для последующих этапов исследования принята 6-факторная структура представлений о психологической безопасности. Многоуровневый характер конструкта подтверждается

включением как внешних условий (материальная база, социальная поддержка, общественный порядок), так и внутренних ресурсов (эмоциональное благополучие, компетентность, осознанность, субъективный контроль). Это обосновывает необходимость комплексного подхода к формированию психологической безопасности в студенческой среде.

Корреляционный анализ выявил положительные связи между всеми факторами, что свидетельствует о согласованном характере изменений показателей и указывает на целостность структуры представлений о психологической безопасности.

Умеренные связи (r = 0,50–0,69):

– фактор 1 («Эмоциональное благополучие и оптимизм») с факторами 2, 3, 4, 6;

– фактор 2 («Личностные ресурсы (компетентность)») с факторами 3 и 7;

– фактор 3 («Базовая защищённость и поддерживающее окружение») с фактором 6.

Слабые связи (r = 0,30–0,49):

– 1 и 7; 2 и 4; 2 и 6; 3 и 4; 3 и 7; 4 и 6; 6 и 7.

Очень слабые связи (r = 0,10–0,29):

– между факторами 4 («Спокойствие и субъективный контроль») и 7 («Социальная ответственность и осознанность»).

Таким образом, структура представлений о психологической безопасности представляет собой интегративную, но дифференцированную систему. Фактор «Эмоциональное благополучие и оптимизм» демонстрирует наибольшее количество умеренных положительных связей с другими компонентами, что указывает на его высокую степень интеграции в общую структуру. При этом связь данного фактора с показателем «Социальная ответственность и осознанность» является слабой, что отражает относительную самостоятельность этого аспекта в структуре представлений.

Это позволяет отнести эмоциональное благополучие в некое смысловое ядро представлений студенческой молодежи о психологической безопасности.

Выявленные близкие связи между факторами «Личностные ресурсы (компетентность)» и «Базовая защищенность и поддерживающее окружение» и «Социальная ответственность и осознанность», позволяют сделать выводы, что студенты, которые чувствуют себя компетентными, имеют базовое чувство защищенности и поддержки, а также склонны к социальной ответственность и соблюдению норм, что свидетельствует о взаимодополняемости когнитивных и социальных ресурсов в обеспечении психологической безопасности. Однако фактор «Личные ресурсы (компетентность)» слабо связан с факторами «Спокойствие и субъективный контроль» и «Базовые жизненные ресурсы», что может говорить о независимости компетентности от материальных ресурсов и спокойствия и субъективного контроля. Фактор «Спокойствие и субъективный контроль» демонстрирует относительную автономность, несмотря на слабые или отсутствующие связи с другими элементами. Это подчеркивает самостоятельность внутреннего механизма невозмутимости, который не зависит от материальных условий или социальной ответственности. Фактор «Социальная ответственность и осознанность» связан преимущественно с фактором «Личностные ресурсы (компетентность)», что позволяет интерпретировать его как интеллектуально-этический, а не эмоциональный компонент безопасности.

В целях дальнейшего качественного исследования был проведен опрос и задан следующий вопрос: «Чувствуете ли Вы себя в безопасности в этом мире?». Ответы распределились следующим образом: ответ «Да» – 64 человека (47,41%), ответ «Нет» – 66 человек (48,89%), 5 человек (3,70%) ответили «50/50». Полученные корреляционные связи учитывались при построении регрессионной модели для исключения мультиколлинеарности.

Результаты логистического регрессионного анализа показали, что ни один из выделенных компонентов представлений о психологической безопасности у студенческой молодежи в условиях информационно-психологического противоборства не является статистически значимым предиктором субъективного ощущения безопасности (бинарный ответ).

Наиболее близким к порогу значимости оказался фактор «Социальная

ответственность и осознанность» (β = 0,576, p = 0,077, OR = 1,78), что позволяет говорить о наличии тенденции: студенты с более выраженной социальной ответственностью и ориентацией на нормы чаще чувствуют себя в безопасности. Для интерпретации силы влияния данного фактора был рассчитан показатель отношения шансов (Odds Ratio), который позволяет утверждать, что при повышении уровня социальной ответственности и осознанности на 1 балл, шанс ощущения психологической безопасности возрастает в 1,78 раза (или на 78%).

Фактор «Базовые жизненные ресурсы» продемонстрировал тенденцию с отрицательным знаком (β = -0,686, p = 0,135), что может указывать на парадоксальный эффект: студенты с более высокими материальными ресурсами могут быть более тревожны в отношении их сохранности или более критичны в оценке окружающей среды.

Ранее была выдвинута гипотеза о важной роли позитивного окружения в условиях информационно-психологического противоборства. Данная гипотеза нашла подтверждение в Факторе 3 «Базовая защищенность и поддерживающее окружение»), где компонент «Надежные друзья, верность» несет нагрузку 0,52, и в Факторе 6 («Базовые жизненные ресурсы»), где компонент «Надежный спутник, опора» несет нагрузку 0,45. Таким образом, поддержка имеет большое значение, но она разделилась на два слоя:

– эмоционально-доверительная поддержка (друзья, близкие), которая формирует базовую стабильность;

– инструментально-бытовая поддержка (опора).

В результате факторного анализа полностью подтвердились полученные ранее результаты о ведущей роли эмоционального состояния в структуре представлений о психологической безопасности у студенческой молодежи в условиях информационно-психологического противоборства.

Фактор 1 («Эмоциональное благополучие и оптимизм») – это гедонистическая составляющая, показывающая что психологическая безопасность для людей представляется не только как «спасение от угроз», но и просто «радость, счастье и любовь». Это аффективная сторона психологической безопасности.

Фактор 2 («Личностные ресурсы (компетентность)») – это когнитивно-волевая составляющая (опыт, знания, самопознание), показывающая, что психологическая безопасность включает в себя такой компонент как компетентность. Данный результат согласуется с положениями субъектного подхода, в котором безопасность понимается как субъективное переживание, опосредованное ценностно-смысловой сферой личности [3, 4].

В ходе факторного анализа ценностные ориентации не образовали отдельного фактора, а интегрировались в другие компоненты представлений о безопасности: самореализация вошла в фактор «Эмоциональное благополучие и оптимизм», а также в фактор «Личностные ресурсы (компетентность), наряду с мудростью, автономией и самоанализом; мир в стране – в фактор «Базовые жизненные ресурсы»; долг, порядок и ответственность – в фактор «Социальная ответственность и осознанность». Это позволяет утверждать, что для студенческой молодёжи ценности не являются изолированным конструктом, а выступают как смысловое ядро других компонентов представлений о психологической безопасности.

Гипотеза о значимости ценностных ориентаций подтверждается, но в уточнённой форме: ценности играют ключевую роль не сами по себе, а будучи интегрированными в эмоциональные, социальные и нормативные аспекты восприятия безопасности, что указывает на необходимость комплексного подхода к психолого-педагогическому сопровождению студентов в условиях информационно-психологического противоборства. Интересен результат по фактору 6 «Базовые жизненные ресурсы». Отрицательный коэффициент в регрессионной модели ($\beta = -0{,}686$) позволяет предположить, что студенты с более высоким уровнем материальных ресурсов и стабильности могут испытывать повышенную тревогу за сохранность достигнутого.

Этот феномен может быть описан в терминах «страха потери» или «парадокса обладания»: чем больше у человека ресурсов, тем больше он опасается их утраты в условиях нестабильности. Данный результат требует дальнейшего исследования. Логистическая регрессия не обнаружила значимых предикторов по

нескольким причинам:

1. Бинарная переменная не позволяет точно передать нюансы субъективного состояния.

2. Высокий уровень рефлексии студентов-психологов уменьшает вариативность ответов.

3. Выборки из 135 человек достаточно для выявления сильных эффектов, но может не обнаружить слабые связи.

Чтобы глубже понять факторы и стратегии совладания с психологическим давлением, на следующем этапе планируется качественный анализ открытых ответов респондентов.

Список литературы

1. Кокоева, Р. Т. Исследование тревожности верующих и неверующих молодежной среды / Р. Т. Кокоева / Russian Journal of Education and Psychology. – 2018. – № 12. – С. 103-111. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/issledovanie-trevozhnosti-veruyuschih-i-neveruyuschih-molodezhnoy-sredy (дата обращения: 21.10. 2026).

2. Харламенкова, Н. Е. Понятие психологической безопасности и его научные дефиниции / Н. Е. Харламенкова / Разработка понятий в современной психологии: сборник статей. – Т. 2 – М.: Институт психологии РАН, 2022. – С. 309–330.

3. Баева, И. А. Психологическая безопасность в образовании: монография – СПб.: СОЮЗ, 2002. – 271 с.

4. Лызь, Н. А. Разработка опросника субъективных представлений о безопасности / Н. А. Лызь [и др.] / Прикладная психология и психоанализ. — 2015. – № 1. – С. 86–95. – URL – http://ppip.idnk.ru (дата обращения: 21.10.2026).

«НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА»

XXIII Международная научно-практическая конференция

Научное издание

ООО «НИЦ ЭСП» в ЮФО
(Подразделение НИЦ «Иннова»)
353445, Россия, Краснодарский край, г.-к. Анапа,
ул. Весенняя, 8, оф. 1
Тел.: 8-800-201-62-45; 8 (861) 333-44-82

Подписано в печать 23.10.2026 г. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 2,67
Бумага офсетная. Печать: цифровая. Гарнитура шрифта: Times New Roman
Тираж 50 экз. Заказ 174.